

Индустриальный

Орган парткома, дирекции и профкома Ленинградского Индустриального Ин-та

Год издания второй
 АДРЕС РЕДАКЦИИ: Ленинград, Сосновка, 1/3, Индустр. Ин-т. 1 общ., комн. 46—48
 № 29 (161) СРЕДА, 26 марта 1936 г.

Сегодня в номере:

- Выполнить взятые обязательства
- Накануне сессии
- А. Громов.—Частная жизнь аспиранта Ломаева
- Литературная страница

ВЫПОЛНИТЬ взятые обязательства

Самобязательства, которые берутся комсомольцами к X съезду, должны подтянуть отстающие участки, помочь ликвидации слабых мест. Многие комсомольцы этого не учли.

Так, любитель беллетристики комсомолец Гринглаз (гр. 305 энергомашинностроительного факультета) обязался к X съезду прочитать 8 литературных новинок, что он и выполнил.

Вообще говоря, это неплохо, но совершенно очевидно, что Гринглаз читал бы и без обязательства. Такого обязательства он смело мог бы и не брать.

Были и случаи отказа от обязательств. Причина простая: «не хочу» — и все.

Комсомолец Елехов (гр. 315 электросварочного факультета) заявил, что он не хочет учиться хорошо, так как бережет свои силы «для инженерства» (!).

Несерьезно отнеслись комсомольцы Ананьев, Поляков гр. 305 энергомашинностроительного факультета. Они обязались не иметь задолженности по ленинизму. Но ведь это прямая обязанность любого студента института!

Серьезным пробелом в работе над обязательствами является отсутствие помощи со стороны большинства комсомольских организаций и их выполнения. В большинстве своем, обязательства по сдаче норм ГТО остались невыполненными, так как приема этих норм никто не организовал. В гр. 325 энергомашинностроительного многие обязались прочесть ЛЕНИНА «Что делать», но никто не прочел. Совершенно очевидно, что прочесть эту вещь многим было трудно, а помощь со стороны ячейки отсутствовала.

О. Михайлов

ОБРАЗЦОВО ПРОВЕСТИ обмен профдокументов

Займемся элементарной арифметикой — первыми ее четырьмя действиями. В нашем институте сейчас занимается в кругах цифрах, 7800 студентов. Из них — пятистах известно, что они не члены союза. А учетных карточек в профкоме имеется на 8300 человек.

Это не опечатка. Повторяем прописью — восемь тысяч триста учетных карточек членов профсоюза хранятся в профкоме института и в профбюро ОТФ.

Откуда же получилась такая «прибыль»? Эта тысяча — а может быть и больше карточек принадлежит бывшим студентам, окончившим наш институт и до сих пор не удосужившимся сняться с учета. Есть карточки со «стажем» более года.

Еще одна цифра. За последние два месяца по нашему институту выдано 300 (триста) дубликатов членских билетов взамен утерянных. При этом есть чемпионы, ухитрившиеся потерять уже и дубликат.

Эта арифметика как нельзя лучше характеризует отношение к профсоюзному документу. И в этом отношении наш институт не одинок. Такое хаотическое состояние профсоюзного хозяйства во многих профсоюзных организациях приводит к злоупотреблениям с членскими билетами профсоюзов со стороны всякого рода проходчиков, жуликов и классово-враждебных элементов.

Такое состояние профсоюзного хозяйства свидетельствует о недооценке многими руководителями профсоюзных организаций значения членского билета, как документа члена профсоюза — массовой рабочей организации, участие в которой дает возможность каждому рабочему, инженеру, технику и служащему организованно участвовать в разрешении вопросов социального строительства и профсоюзной

жизни, пользоваться преимуществами при получении пособий по социальному страхованию, ссуд из касс взаимопомощи и других видов материального и культурного обслуживания со стороны своего профсоюза.

Поэтому ВЦСПС решил произвести обмен членских билетов всех союзов на единый билет члена профсоюза и издал соответствующее постановление о выдаче, хранении и учете членских билетов, которое должно положить конец безответственности и безобразному ведению профсоюзного хозяйства (Постановление напечатано в газ. «Труд» от 27 февраля). Особо надо подчеркнуть § 23 этого постановления, где говорится:

«В случае утраты членского билета выдача нового билета производится только областным (краевым, республиканским) или центральным комитетом союза по просьбе ФЗМК или группкома, на основе решения их общего, цехового или группового собрания членов союза».

На выданном вновь билете делается надпись: «Дубликат взамен утерянного».

Комментарии здесь не требуются. Обмен членских билетов производится с 15 марта по 15 мая 1936 года.

По нашему институту закончилась подготовка к этому обмену. Уже начался обмен билетов на гидротехническом факультете.

Обмен билетов будет производиться в строго установленном для всех факультетов и групп порядке. Билеты выдаются на всех (кроме ОТФ) факультетах, согласно постановлению ВЦСПС, лично председателем профкома тов. Смирновым, а на ОТФ — пред. профбюро тов. Жемойтелем. М. А.

АКАДЕМИК СТРУМИЛИН отвечает

Уважаемые товарищи!

Очень тронут был Вашим поздравлением. Политехнический институт всегда высоко ценю и желаю от души дальнейшего его роста и процветания.

Академик Струмилин

ОТ РЕДАКЦИИ. Приведенное выше обращение акад. Струмилина является ответом на поздравление, посланное ему профессорами и преподавателями нашего института в связи с награждением его орденом.

Академик Струмилин в прошлом — работник нашего института.

КОМСОМОЛ ПОМОГ

34 студента ИЭФ должны были в обязательном порядке заниматься по русскому языку. Но, несмотря на приказы деканата, экономисты «бастовали».

Недавно комсомольская организация ИЭФ взялась за это, поговорила с каждым в отдельности и в результате — все экономисты, как один, явились на первое занятие по русскому языку.

Зав. циклом русского языка тов. Гавра была приятно поражена.

Занятия ведет опытный преподаватель тов. Кузьмин.

10.000 КНИГ В КАСЕ ВЗАИМОПОМОЩИ

Учебная библиотека передала кассе взаимопомощи 10.000 книг из книжного фонда для продажи их среди студенчества ЛИИ. Книги будут выдаваться в рассрочку на несколько месяцев. На большинство книг будет предоставляться скидка до 40—50%. Книги — самые различные: как общепрофессиональные, так и специальные. Готовится специальный список книг, который мы напечатать в следующий раз.

В ГОСТЯХ у А. М. ГОРЬКОГО

Фото Пинчука (Союзфото)

Известный французский революционный писатель Андрэ Мальро совместно с тт. Мих. Кольцовым и И. Бабелем посетил в Крыму Алексея Максимовича Горького. Андрэ Мальро беседовал с Горьким по вопросам литературного творчества и философии искусства, а также и по злободневным вопросам, в частности, об отношении передового писательства и интеллигенции к угрозе фашизма и империалистической войны. На снимке: А. М. Горький, Андрэ Мальро, Мих. Кольцов и Бабель в Крыму

Накануне сессии

КАК Я ГОТОВЛЮСЬ

На примере последнего зачета — утилизация водной энергии — попробую дать ответ на этот вопрос.

Я стараюсь как можно полнее вести запись лекционного материала. Особенно это важно тогда, когда лекции читает высококвалифицированный лектор и, тем более, если по прочитанному материалу нет соответствующей литературы.

Непосредственную подготовку к сессии начинаю как раз в тот день, когда сданы последние зачеты по текущим предметам. Мне кажется, что такая точка зрения является единственно правильной, так как не должно существовать положения, резко разграничивающего все предметы на две категории — сынки и пасынки, «сессийные» и «несессийные». Такое положение ведет к тому, что все несессийные предметы, по мере приближения к сессии, начинают «задвигаться».

У меня этого положения не существует — несессийным предметам я оказываю полноценное внимание вплоть до сессии.

Непосредственная подготовка к сессии у меня идет таким образом:

- а) общее знакомство с рекомендуемой литературой (просмотреть);
- б) чтение лекционных записей (с окончательным выяснением всех вопросов);
- в) детальная проработка рекомендуемой литературы.

Делаю это я так: беру большой лист бумаги (развернутый), конспектирую параллельно читаемую литературу, причем главы и параграфы выделяю подчеркиванием цветными карандашами. После проработки, я получаю тезисобразный конспект курса на одном листе. Глядя на этот лист, я, как будто с птичьего полета, вижу сразу весь тот огромный материал, который я проработала за несколько дней, и любой вывод, любую формулу я нахожу в течение, буквально, полсекунды. Повторяю — конспектировать нужно только то, что понял — рядом должен лежать лист бумаги для выписки всех непонятных мест и вопросов, которые тут же надо выяснить — на консультации или по литературе.

После этого уже все ясно, но нужно кое-что запомнить — некоторые формулы и выводы нужно знать наизусть. Из конспекта выбираю те места, которые требуют запоминания, и на отдельном листе бумаги стараюсь воспроизвести требуемое наизусть. С первого раза это удается процентов на 80, на второй раз — все 100.

После того, как все понято и усвоено иду к товарищам. Вместе мы устраиваем своеобразный «экзамен», который неизбежно вскрывает недостаточное полно проработанные места и способствует лучшей отшлифовке знаний.

За день до сдачи сессии, как правило иду в театр или в кино.

Этот метод подготовки к сессии выработался у меня как результат почти пятилетнего опыта. Он полностью оправдал себя на моем примере (все экзамены я сдал на «отлично») и на примере некоторых моих товарищей, последовавших этому методу по моему совету.

Работать во время сессии нужно усидчиво, спокойно, не метаться и иметь точный распорядок дня.

Еще одно замечание: я обладаю тем видом памяти, который носит название зрительно-моторного, а потому и могу рекомендовать мой метод подготовки к сессии, как безусловно полезный, только тем товарищам, которые обладают тем же видом памяти.

Отличник Тардов

ПРАВИЛЬНО распределяю время

На примере одного из моих рабочих дней я покажу распределение своего времени.

В институте я занимаюсь с 9 до 3 часов дня.

После возвращения с занятий я немного отдыхаю, обедаю, читаю газеты, художественную литературу. На это уходит два часа — с 4 до 6 часов вечера. После этого я начинаю заниматься. С 6 до 7 часов я занимаюсь химией, прорабатывая тот материал, который читался сегодня на лекции. Окончив эту работу, я повторяю лекцию по математике (или по физике, в зависимости от того, какая дисциплина сегодня читалась). В это же время я решаю задачи по этому предмету. На это у меня уходит час. После этого в течение 30 мин. (с 8 до 8 ч. 30 м.) или несколько более, я выполняю задания, данные сегодня на семинаре, по английскому языку.

Затем до девяти часов я отдыхаю — слушаю радио, читаю, после этого (с 9 до 10 или до 11 часов вечера) я подготавливаю к лекциям, которые будут читаться в следующий день (физика, политэкономия). Если завтра по политэкономии — семинарные занятия, я повторяю материал, который я уже прорабатывал на прошлой шестидневке.

После 11 часов вечера я никогда не занимаюсь. Иногда, если остается больше времени, я иду в кино и т. д. Так я провожу свой рабочий день.

Вечером в выходной день я иду в театр, филармонию и т. д.

Отличник гр. 121 ОТФ Нашиатырь

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ аспиранта Ломаева

«О солнце, солнце! Для кого бы ты всходило, если бы я тобой не любовалась» (Ницше).

Письмо пахло сыростью багажного вагона, но Зоя И. не променяла бы его на самые свежие ароматные розы. Несколько раз она перечитывала, успевшие стать дорогими и любимыми, строчки.

Геннадий писал:

«О милая славная Зончка! Как бы я хотел с тобой поговорить... Там, у калитки твоего дома, я сказал, что люблю тебя и тогда, уходя от тебя, я задумался над сказанным. Да я люблю тебя. Я искренне уважаю тебя... Я должен тебе безгранично и всегда до самого последнего дня своей жизни быть благодарным».

Письмо жгло Зоины пальцы, голова разламывалась на части от мучительных мыслей. Ясно: она любит Геннадия. Они любят друг друга.

Геннадий звал и Зоя слышала этот зов любимого человека. Он чудился ей в шелести зеленеющих берез, в мягких весенних порывах молодого ветра.

Зоя стала женой Геннадия Ломаева.

Июль 1934 года вошел в память Зои, оставив глубокий след. Казалось, что счастье не будет конца. Геннадий был молод, весел, ласков, счастлив. Его любовь казалась безбрежной. Кончилось лето, а с ним кончились каникулы. Геннадий Ломаев спешил в Ленинград, в институт. Тискались сжималось сердце Зои:

— Пиши чаще Геннадий, до свидания.

Письмо встретится. Закончу дипломную работу и заживем вместе. Не скучай, — успокаивал Геннадий Зою.

Часы, дни, месяцы отсчитывали время. Регулярно с каждой почтой Зоя получала письма из Ленинграда. В письмах Геннадий писал:

«Знаешь, Зоя, когда я был моложе, ну, скажем, на II курсе рабфака, я мечтал, что я буду ассистентом у видного профессора. Мечта казалась недостижимой. И вот я работаю ассистентом у профессора с мировым именем... Я учусь у него не только знаниям, но и тому, как жить и держать себя».

Письма Геннадия радовали Зою, но были и такие, которые казались ей странными. Прочитав их, она долго задумывалась. Однажды Геннадий писал:

Зоя, ты прости меня за это, но мне не дает покоя мысль, что я пошлый, ничтожный, низерный, как и все окружающие меня люди. Иду ли я дорогой, в кругу ли друзей, а в голове все та же мысль, сверлящая мозг и навойливо кричащая: что ты киришься беспутный человечико? Брось свои мечты и фантазерство о том, что должен стать кем-то. Ты обычный человечико. Ну, а если так, то соизнай себе прямо в этом и соответственно вети себя.

Бурно кипела жизнь в стране, подогретая энергией миллионов борющегося класса. Зоя не замечала полета времени — работа в комсомоле, учеба в политехникуме и еще десятки обязанностей.

Прочитав последнее письмо Геннадия, Зоя на минуту почувствовала в этих строчках новые звуки. Они показались ей фальшивыми, чужими, созвучными с нотами врага. Она чувствовала в них пессимизм. Ей казалось, что Геннадий переключается в этих строчках с реакционнойшим философом буржуазии Ницше. Ей непонятны были мысли Геннадия «о сверхчеловеке». Ей казалось, что в этом мире, в этой бурной стройке, под нашим солнцем есть место каждому человеку.

Зою тянуло в Ленинград. Ей хотелось снова встретиться со своим Геннадием, рассказать о мучивших ее сомнениях. И вот точно сговорились: Геннадий звал ее к себе. Зоя написала письмо, закончив его словами «стоит ли?» Геннадий настойчиво звал:

«Твой поезд в Ленинград для меня больше, чем приятен. Это должно быть тебе ясно без всякого сомнения, ибо я первый заговорил об этом».

Успокоенная Зоя вернулась в Москву, Геннадий вдогонку писал:

«Милая, дорогая Зоя. Я попрежнему твой. Только за то, что ты так способна любить, я должен тебе ответить тем же. Человек, способный любить преданно, высоко, — идеячно неплохой человек. Он сам достоин любви».

«Пусть с нами будет, что будет, но время, проведенное в Ленинграде, останется навсегда в моем сознании, как лучшее и приятное в моей жизни. Я попрежнему весь с тобой. Крепко, крепко целую мою Зончку».

Зоя почувствовала, что должна стать матерью. Сердце билось то радостно, то замирало. Мысли стремились к Геннадию.

«Я собираюсь стать матерью, я уже люблю этого нашего будущего ребенка, я не хочу больше делать аборт. Скажи, как быть? Последнее слово за тобой».

С нетерпением ждала ответа. Ежедневно ходила на почту, высматривала письмоносца, десятки раз подсчитывала время. Геннадий писал:

«К сожалению, сказать тебе ничего не могу. Хотя бы ты даже была здесь — я тебе ничего не мог бы сказать. Если нужно, Зончка, пиши. Я постараюсь тебе выслать денег. Стесняться нечего... Свои люди — сочтемся. Извини за сухость и грубость письма. Я не могу мягче».

Помещая статью А. Громова об аспиранте нашего института Г. Ломаеве, редакция обращает внимание студенческой общественности на факты ломаевщины. Ломаевская философия чрезвычайно проста, она сводится к минимуму приемов: презрение к друзьям, животный эгоизм, подчинение каждого шага своей деятельности личной выгоде — вот несложный букет главных положений Ломаева.

В соответствии с этими идеями Ломаев строит свою личную жизнь. Он добивается связи с Зоей И., а затем бросает ее.

Идеи Ломаева, его философия не новы. Отпрыск мещанствующих эгоистов — Ломаев, пытается в своей переписке подвести соответствующую теоретическую базу под эту гнилую философию.

Поступки Ломаева вызывают отвращение. Конечно, Ломаев исключение в среде советского студенчества, однако, нельзя сказать, что Ломаев одинок, факты нетоварищности, пошлого отношения к женщине и другие к великому сожалению еще имеют место.

Редакция убеждена, что студенческая общественность с присущей советской молодежи энергией и ненавистью к ломаевщине поможет искоренить это вопиющее зло в нашей среде.

А. ГРОМОВ

Холодный тон, равнодушные, переходящее в безразличие к будущему ребенку, к ней, к Зое, был неожидан и глубоко взволновал ее. Она вдруг всем телом почувствовала надвигающуюся катастрофу. Нечеловеческим усилием пыталась подавить все нарастающие сомнения. Геннадий не таков, — думала Зоя. Геннадий не только любимый человек, но ведь он — друг. Он — товарищ. Он — кандидат партии. Ведь он сам так много говорил ей об обязанностях, налагаемых любовью и дружбой. Зоя глубоко верила Геннадию, верила в его прямоту и честность. Она была глубоко убеждена, что Геннадий живет только одной жизнью сней, — это жизнь всей страны, это жизнь миллионов молодых сильных девушек и юношей, это борьба с пошлостью, это расчистка жизни от навоза прошлого».

И Зоя оправдала поведение Геннадия. Она продала свое последнее крепдешиновое платье, в котором так любил ее видеть Геннадий. Стоской пошла в больницу. Сделала второй аборт.

Геннадий с восторгом отзывался о поступке Зои. Он писал, что ребенок задержал бы его развитие, стал бы только помехой.

Однако, Зоя иначе перенесла последние события. Большая травма надолго осталась в ее сознании, а неудачный аборт подточил крепкое здоровье цветущей девушки.

Геннадий Ломаев работал ассистентом в Ленинградском Индустриальном институте. В кармане — кандидатская карточка члена ВКП(б). На собрании он много и горячо говорил о том, как должен жить коммунист, учил беспартийных, требовал чужности и товарищеской искренности.

И в то же время писал Зое:

«Странно, как ты еще можешь верить, что на свете есть еще хорошие люди. Даже — не хороши, а хотя бы просто люди».

Зончка, хотя я был «твой», а ты «мой», но ведь ты меня совсем не знаешь. Я прятался от тебя, обманывал, я много тебе не говорил и не скажу».

При этом ты должна помнить, что я довольно самолюбивый человек. Я люблю, чтобы во всем, касающемся меня лично, была полнейшая строгость, тайна и корректность.

Любил ли я тебя? Не знаю. И не могу знать. Но ненавижу — да. Я помню миг, когда я действительно ненавижу тебя. За что? За твою свободу, за твою независимость, за самостоятельность».

Зоя снова с ужасом вчитывалась в знакомый почерк и не верила. Теперь она поняла: нити от последнего письма тянулись к другим письмам. Яснее очерчивалась частная жизнь аспиранта Ломаева.

Вспомнилось и другое: «Все люди, и ты, скрывают свои действительные намерения. Говорят, что я инженер, а никто не догадается, что я до сих пор не могу понять, для чего я стал инженером. Кому это нужно? Все делают — и я сделал. Только так я могу ответить. Хотя понимаю, что это не ответ. Серьезно над этим я много раз думал и ни разу не приходил к удовлетворяющему меня ответу».

Ломаев ответил:

«Многоуважаемая милая Шувалова. Извините, я не знаю вашего имени и отчества. Сегодня рано утром я получил ваше любезное письмо. В Москву приехать я не имею возможности. Прошу вас сделать все для Зончки. В случае надобности телеграфируйте мне».

Одновременно Ломаев написал Зое:

«Здравствуй, Зоя. На твоё письмо отвечаю. Ни с какими Шуваловыми я не хочу иметь дела. Скажи им, что они большие остолопы. Второе: денег я больше ни тебе, ни Шуваловым ни копейки не пришлю, хотя и имею возможность».

Это было последнее письмо Ломаева к жене. Зоя больше ни о чем не просила, но настаивала, чтобы Ломаев разъяснил свое поведение. Ломаев поставил точку над «и».

«Да, между нами все конечно Я аспирант, наши производственные отношения не сходятся. Мне с тобой тяжело, мне нужна жена из женщин, приготовленных к замужеству, обладающая светскими манерами, играющая на пианино, умеющая созавать семейный уют. На студентке я жениться не хочу, так как и она прошла тот путь, что и я. К тому же они все бледные, теряют много энергии и быстро стареют. Работница для меня не годится: низок культурный уровень. Зоя, ты должна понять, что все люди стремятся к одному, все добиваются одного, но под разными предлогами. Ты уже теперь отжившая, хотя по возрасту тебе 23 года. Ты мне больше не нужна. Пожилай и хватит. Дай пожить другим».

Так оборвалась совместная жизнь Зои с аспирантом Ломаевым. Оборвалась учеба. Нервная система не выдержала и Зоя стала инвалидом.

Два года прошло с первой встречи. Аспирант Ломаев делал большие успехи. Он быстро подвигался вверх. И одновременно предполагал снова стать мужем женщины, «приготовленной к замужеству».

Он прошел партийную проверку, склонял во всех падежах лозунг «заботы о человеке». И только Зоя попрежнему оставалась прикованной к амбулаториям, поликлиникам. Доведенная до отчаяния, с нарушенной психикой, она появилась на пороге квартиры аспиранта Ломаева. Просила только переночевать. Но аспирант Ломаев остался верен себе: он выгнал Зою.

И снова товарищи помогли: достали денег, устроили на ночлег.

В парткоме у Ломаева спросили о Зое. Он минутку подумал и с поднятой головой бросил:

— Зоя — это случайная связь. — И подчеркнул: — к тому же, это моя частная жизнь.

И только подлинные письма и документы, представленные Зоей, заставили перерожденца и пошлака сказать правду.

Из парткома аспирант Ломаев ушел с полным сознанием своего достоинства и если в тот день его что-либо огорчило — так это то, что он опоздал на свидание со своей новой знакомой.

Физкультура

На первенство СССР

На финал первенства РСФСР и первенство СССР от Ленинграда выехали первая мужская и первая женская команды волейболу. В качестве основных игроков в эти команды включены наши студенты физкультурники:

Арефьев (ОТФ), Галактионов (ОТФ), Бодрова (местком), Краснер (металлургический).

НА ТРЕТЬЕ МЕСТО

В прошедших вузовских соревнованиях по гимнастике наш институт занял всего лишь 3-е место, впереди оказались 2-й Ленинский институт, имеющий в составе своей команды мастеров СССР, и техникум физкультуры, где основной специализацией является гимнастика.

Наши гимнасты должны и могут биться первого места.

КОНФЕРЕНЦИЯ

По математическим программам

Специальные кафедры предъявляют требования по математической подготовке студентов кафедре математики. Требования — обоснованные и необоснованные.

Кафедра математики совместно с учебно-методическим советом, организует 26 марта конференцию по вопросу о составлении программ по математике с требованиями как общенаучными, так и специальных дисциплин.

Остается только пожелать, чтобы там же конференции были организованы другими общенаучными кафедрами, в частности кафедрами электротехники, иностранных языков, начертательной геометрии, черчения и др.

ЧАСТНЫЕ МЕТОДИКИ

Учебно-методический кабинет ЛИИ организовал разработку частных методик ряда дисциплин. Составлением методик заняты проф. Наследов, Д. Н., Беллов, Н. И. Меншуткин, Б. Н., Славинский, М. и др. Частные методики преследуют цель систематизировать опыт наиболее квалифицированных профессоров и преподавателей и передать его начинающим преподавателям.

Над методикой работы с аспирантами методикой повышения квалификации молодых преподавателей работает также заслуженный деятель науки и техники проф. А. А. Радциг.

Некоторые методики уже написаны и заслужили одобрение кафедр. К таким относятся методика математики — проф. Кузьмина, Р. О. и т. д.

КОРОТКО ОБО ВСЕМ

До сих пор в часы приемов руководители отделов и деканы факультетов были заняты различными делами и даже заседаниями. Посетители напрасно ждали. Времени не было.

Приказом директора, всекие заседания и прочие деловые переговоры во время приемов запрещены. Деканы факультетов время приема должны быть на месте. Будут вывешены специальные ящики жалоб посетителей.

Высшая аттестационная комиссия утвердила проф. С. З. Рогинского в ученой степени доктора технических наук без защиты диссертации.

Высшей аттестационной комиссией утверждены в ученом звании профессора: Мищенко, Г. А., Кетов, Х. Ф., Кандыба, Н. А. Михайлов, М. М.

КИНО

«Мы из Кронштадта»

20 марта на ленинградских экранах показан новый художественный фильм «Мы из Кронштадта». Режиссер Е. Дзиган, автор сценария Всеволод Вишневский. С 7 по 12 апреля идет новый фильм Будет бит в нашем кино-театре «За Кадром».

НОВЫЕ ЗВУКПОСТЫ

В нашем Флюговском звуковом кино-театре установлены звук-посты КА-1. Сейчас звук демонстрируемых картин значительно улучшился.

ПИОНЕРЫ ИЗОБРЕТАТЕЛИ

В начале апреля пионерская организация подшефной ЛИИ 1-й образцовой полковой средней школы празднует свое десятилетие.

На фото — ученик III класса, сконструировавший радиоприемник

(Фото Кондалова)

ДОБРОЛЮБОВ

Какой светильник разума погас.
Какое сердце биться перестало.

Этими словами великий поэт и большой друг Добролюбова—Н. А. Некрасов, как нельзя лучше охарактеризовал громадную потерю, понесенную русским обществом, русской революционной демократией, из рядов которой ушел пламенный трибун.

Недаром Н. Г. Чернышевский, с первых же литературных шагов Добролюбова высоко оценивший его исключительное дарование, говорил о нем:

«Вот настоящий человек дела, жаждущий дела. У него полная гармония между мыслью, словом и делом. В его глазах самые прекрасные намерения не имеют никакого значения и даже вызывают его неудовольствие, если они не стремятся проявляться в соответствующих действиях. И как он во всем строг, непоколебим и непреклонен. Никогда он не пойдет на малейший компромисс; никому и ни в чем он не сделает ни малейшей уступки. Ко всем он относится серьезно, осмысленно, прочувствованно и страстно».

Двадцатилетним студентом Добролюбов познакомился с Чернышевским и напечатал в «Современнике» свою первую критическую статью. А через год Добролюбов уже был руководителем критико-библиографического отдела в «Современнике» и стал ближайшим соратником и другом Чернышевского и Некрасова. В блестящих статьях развернув свои философские, исторические и эстетические взгляды, резко выступая против дворянского либерализма и либерального мелкотравчатого обличительства, беспощадно разоблачая «темное царство» тогдашней России, Добролюбов сразу выдвинулся как один из наиболее боевых и решительных публицистов. Литературная работа была для Добролюбова неразрывной частью его революционной деятельности, каждая его статья—это смелая и острая речь пропагандиста. Неудивительно поэтому, что либералы с большой враждебностью относились к Добролюбову и И. С. Тургенев говорил о том, что Чернышевского он еще может переносить, а Добролюбова не может... Ибо Чернышевский—«простая змея, а Добролюбов—очковая змея».

И совершенно понятно, что с творчеством Добролюбова внимательно знако-

мился МАРКС, что его высоко ценил ЭНГЕЛЬС, что ЛЕНИН в своих высказываниях никогда не отделял Добролюбова от Чернышевского.

Добролюбов нам ценен не только своим конкретным литературным наследством; он нам дорог и как прекрасный образец бойца и трибуна, посвятившего всю свою жизнь работе и борьбе.

МОЦТЫ

Н. Образцова

(Член литгруппы газ. «Индустр.» и ОФ)

Улицы в блеске—тепла и свежа,
Ну, как полагаются в мае.
И я по асфальту иду, не спеша,
И на свободе мечтаю...
Говорят, поколение наше мечтает
И весной не имеет права—
Ну как это можно такое сказать,
Так комсомольцев ослабить.
Вернемся немного—
В семнадцатый год.
Под песню смертельную стали
На пепле мостов и разрытых дорог
Разве мы не мечтали?
Красный лоскут кумачевый, простой,
С именем теплым «Совет»,
Разве с него не струился мечтой
Наш первомайский рассвет?—
Падают звонкие капли раздумья
В синий туман вечеров.
Улицей шумной тихо иду я,
Слушая шестест шагов.
Мы будем мечтать в снегопадные вихри
И в буднях учебы и сессий
Не так, как мечтают о пристани тихой,
О свежести хвойного леса.
Мечты понесутся к турбинному залу—
Ведь будем же мы инженерами.
И где-то кипящей оранжевой сталью
Мечты расцветут над маргелами.
Песня, дождем ароматным пролейся!
Радугой брызги с листа!
В стране метростроев, колхозов и песен
Юность мечтать должна!

Алексей Толстой ПИШЕТ НОВУЮ ПОВЕСТЬ

Сейчас А. Толстой целиком поглощен работой над повестью об обороне Царицына. Повесть посвящена беспримерной в истории эпопее—отступлению шестидесяти эшелонов от Харькова через Луганск на Царицын в 1918 году.

... Сто паровозов тянули тяжелые составы—три тысячи вагонов, в которых ухо-

старый луганский большевик Климент Ворошилов.

Единственный выход на Царицын—по линии Лихая. Это путь через занятые белыми и немцами места.

Эшелоны двинулись. Уже в пути—на станции Каменская—немцы дают бой. Ворошилов оставляет здесь заслон, отправляя эшелоны дальше.

На станции Лихой их окружают немцы. Ворошилов лично руководит боем под пулеметным обстрелом противника. Ценой громадных усилий ему удается подтолкнуть эшелоны—все до одного—на восток.

Дальнейшее отступление продолжалось с меньшими трудностями.

Приходится прокладывать путь вперед самим, настлать рельсы, мосты. Эшелоны проходят в день всего по два—три километра. Водокачки все взорваны. Паровозы наполняются водой вручную. Наконец эшелоны дошли до Дона. Мост через Дон взорван.

Многих охватывает паника.

Но железная воля Ворошилова и других руководителей отряда преодолела эту панику и нерешительность. Решено построить мост через Дон.

Ежедневно, отбиваясь от атак противника, красные строили мост. Месяц продолжалось это исключительное строительство.

В июне красные бойцы пришли в Царицын, усилив во много раз гарнизон города, являвшегося в то время ключом ко всему Поволжью и единственной магистралью, по которой хлеб шел на север.

Вместе с героическим пролетариатом Царицына украинские бойцы начали героическую оборону города, который был в то время, как сказал СТАЛИН, ключом к спасению революции.

Эти события послужили сюжетной канвой для повести «Оборона Царицына». В повести действуют, за исключением нескольких вымышленных героев, только исторически-подлинные лица—ЛЕНИН, СТАЛИН, Ворошилов, Егоров, Щаденко, Рухимович и др.

В повести будет, между прочим, описано одно действительное происшествие, случившееся с Ворошиловым, когда он попал в плен к белым. Этот эпизод до сих пор не был известен писателю его рассказав сам Климент Ефремович.

Размеры повести «Оборона Царицына» не будут велики. Она примерно рассчитана на 12 печатных листов.

Л. Я.

А. ТОЛСТОЙ

дили в советскую Россию остатки разбитых немцами третьей и пятой украинских армий, вооруженные отряды донбассовских рабочих и шахтеров с семьями, со скотом, с домашним скарбом. Эшелоны шли на Воронеж. Но дальнейший путь на север был перерезан немцами, ведущими наступление с юга и с запада.

Кольцо смыкалось. Немцы окружали эшелоны со всех сторон.

Об этом отступлении узнал СТАЛИН, уже приехавший в это время в Царицын. СТАЛИН настоял, чтобы отступающий отряд—25 тыс. бойцов—был направлен в Царицын. Во главе отряда—опять-таки по личному требованию СТАЛИНА—был поставлен

ЗАКОНЫ РЕЗАНЬЯ

Отрывок из рассказа члена литгруппы газ. «Индустриальный» и ОФ—студентки энергомаш. ф-та М. БОГОРАД

Старый профессор всю жизнь работал над теорией резания. Он убежден, что не может быть никаких других законов и норм, кроме тех, которые он установил своей долголетней работой. На заводе молодой токарь Маслов опрокидывает старые нормы и дает 200 про-

центов плана. Профессор не верит в успех стахановцев, считает их показателями случайными и дутыми. Его друг проф. Щербаков рассказывает ему о реальных достижениях стахановцев транспорта и упрекает его в скептицизме.

Да нет, не о чем думать. Виктор Алексеевич отмахнулся от обступавших его мыслей, как от назойливой мухи. Но муха не улетала, она звенела и жужжала над ухом: «перестраиваться...», «переучиваться»...

Нет, нет, батенька мой, мы еще посмотрим—кто окажется прав.

Через день, приехав на завод, Виктор Алексеевич встретил Булатова.

— Ну, что новенького? — спросил Виктор Алексеевич и почему-то с нетерпением ждал ответа. Он не знал толком, что именно ему хотелось услышать, но ответ Булатова его не удовлетворил.

— Да ничего. Все попрежнему—дискуссируют, смеясь, отвечал тот А мы с вами, профессор, в оппозицию попали.

— Ну, а Маслов? Новые рекорды ставит?

— Нет. Материал плохо подается. Не налажена заготовка, инструмент затирает.

— Почему? — взволнованно перебил Виктор Алексеевич. Это же вредительство!

Булатов удивленно взглянул на него. — А вам-то что? — спросил он, пожав плечами.

— То есть как—мне-то что? — возмущенно воскликнул Виктор Алексеевич. Да, что вы, батенька мой! — он быстро прошел в конторку к Гришину.

Тот сидел у телефона.

«Это чорт знает что! — кричал он в трубку—материалом завод обеспечен. Что? Мы

с тобой поговорим в парткоме! Понятно? Ну, не думаю, чтоб тебе очень приятно было. Да, да.—Он повесил трубку на рычаг и повернулся к Виктору Алексеевичу: — Слышали, профессор. Что скажете? — и неожиданно услышал:

— Безобразие. Вредительство.

Брови Гришина удивленно приподнялись, он хотел что-то сказать, но Виктор Алексеевич перебил его.

— Знаю, знаю. Удивляетесь, что скептик профессор в негодование пришел. Другого ждали. Ну, ну, не смущайтесь—я принимаю вас. Но, батенька мой, ведь я все-таки ученый, и пусть это эксперименты, но когда же было, чтоб наука мешала экспериментам, как бы фантастичны они не были. Я, Федор Игнатьевич, иначе—как эксперимент, это не расцениваю, и в него не верю, но не в этом дело, не в моих взглядах. Дело в том, что намеренная задержка с материалом—это вредительство, и я считаю нужным об этом заявить.

— Хорошо, профессор. Хорошо,—тихо и медленно сказал Гришин и крепко пожал Виктору Алексеевичу руку.

Два дня Виктор Алексеевич не был на заводе. В институте было много дел и он освобождался лишь поздно вечером.

На третий день, приехав на завод, он увидел у входа в I отделение доску с фамилиями стахановцев. Против фамилии Маслова стояло—выработка 500%. Маслов был впереди, но не отставали и другие—Миллер дал 460%, Лукин—430%.

Виктор Алексеевич долго стоял у доски, глядя на цифры, большой, грузный, в фетровой шляпе, потом он быстро прошел в конторку.

В конторке было пусто. Внизу шумно работали пневматические молотки, сквозь застекленную дверь врывались отблески сварки. На столе лежала забытая кем-то заводская многогайражка. Виктор Алексеевич подошел к столу и, небрежно взяв в руки газету, рассеянным взглядом пробежал страницы. Вдруг взгляд его стал внимательней, он расправил газету и сел. В статье о стахановцах упоминалась его фамилия. Ну-с, посмотрим, что тут написано.

В самом конце заметки действительно упоминалось о нем.

«Крупный авторитет проф. Янчевский, старый ученый,—говорилось там,—сумел понять, что стахановское движение свидетельствует о том, что наши рабочие овладевают техникой, что это уже больше не отсталые «рассейские» рабочие, что они выросли и технически подковались. Старый ученый понял то, чего не сумели понять наши молодые советские специалисты—инженеры Булатов, Равич и другие консервативные элементы из среды ИТР. Нашим инженерам должно быть стыдно».

Хватит. Дальше можно не читать. Основное ясно. Виктор Алексеевич, они пишут, что вы поняли... Неужели они переоценивают вас, профессор, а вы окажетесь слепым и твердолобым консерватором?

Неужели они ошибаются в вас? Подумайте, профессор, не кажется ли вам, что вы, действительно, начинаете что-то понимать. Постарайтесь понять это до конца.

Виктор Алексеевич ходил по кабинету, заложив руки за спину. После разговора со Щербаковым у него был неприятный осадок на душе.

Одно дело—инженер с завода, словом которого можно было не придавать особого значения, но Щербаков—это человек, мнение которого авторитетно для Виктора Алексеевича. Как это он сказал? Ах, да,—скептикам придется перестраиваться! Чорт возьми! Неужели он, профессор Янчевский, оказался таким близоруким. Ведь увидел же Щербаков то новое, что несет движение, а он не увидел. Да... но Щербаков говорил о транспорте, о паровозе. Одно дело паровоз, а другое—станок. А почему другое дело станок? Машинный! И то и другое машины.

Допустим, что на транспорте действительно низкие нормы, но ведь этого нельзя сказать про промышленность. Нельзя! А может быть можно? Возможность перекрытия норм в 2 1/2, в 3 раза—не говорит ли это о заниженных нормах?

Профессор, почва опять становится шаткой, она стремится ускользнуть из-под ваших ног. Подумайте-ка лучше!

ЖЕСТ КОМСОМОЛЬЦА АКСЕНОВА

Началось с того, что студенты группы 402 ИФФ—комсомольцы Аксенов и Хазанов, на зачете по лаборатории электрических колебаний получили оценки „неудовлетворительно“. После этого они пишут зав. кафедрой коллективное заявление о том, что эта оценка является результатом „личных счетов“ преподавателя Чарахчяни и что они просят предоставить им возможность сдать другому преподавателю. Кафедра, рассмотрев их заявление, решила что обвинения, приведенные в нем, ничем не обоснованы и предложила студентам Аксенову и Хазанову сдать зачет преподавателю Чарахчяни, доделав предварительно те работы, которые указаны им, как незаконченные.

Зав. каф. проф. Циклинский поручил мне присутствовать на этом зачете. Зачет показал, во-первых—то, что задание, данное Аксенову перед зачетом, выполнено не было, во-вторых—то, что на восемь вопросов Аксенов вообще не дал ответа, хотя они не выходили за рамки отчетов, написанных им же самим. Это говорило о недумчивом, формально-механическом выполнении и работы, и отчета по ней. Конечно, Аксенов получил опять „двойку“, с чем я был вполне согласен. Когда тов. Чарахчян стал задавать вопросы Хазанову, тот с независимым видом заявил: „Я вам сдавать не буду, я найду другого преподавателя, которому и сдам“. После зачета Аксенов имел смелость заявить, что он шел сдавать на „пятерку“.

После этого Аксенов делает „красивый жест“, подав в деканат заявление об отчислении его из института, так как „он до сих пор считал, что он неплохой студент и не хочет быть плохим“. Вопрос этот

разбирался в деканате и в курсовой ячейке ВЛКСМ. Комсомлячка подошла к этому либерально, невнимательно; тов. Чарахчян вызван не был, а ведь он тоже комсомолец. В общем, видимо, решили дело „замять“—тем более, что Аксенов дал обещание выполнить и сдать зачет, признав, что он погорячился и пр. Но одно дело дать обещание, а другое—выполнить его.

Деканат поручил проф. Циклинскому принять этот зачет от Аксенова. Последнему был дан месячный срок на подготовку и переделку всех отчетов, ибо они были сделаны крайне неудовлетворительно.

И вот Аксенов и Хазанов в начале марта сдают переделанные отчеты. Хазанов не счел нужным поместить в них даже данные измерений и их обработку, не говоря уже о заключениях по работам. Но Аксенов более предусмотрителен: формальная сторона у него почти в порядке. Зато он и тут не преминул свалить вину за плохое качество работы на преподавателя, что сделал, надо сказать, довольно безграмотно.

Не стоит останавливаться на этом документе, но кто дал право Аксенову поливать грязью преподавателя-комсомольца, превращать его ошибку (происшедшую, кстати, во время работы с другой подгруппой) в причину, оправдывающую свое неумение сделать лабораторную работу?

Вообще, поведение Аксенова—худший вид комчанства: „я, мол, знаю не хуже преподавателя, я большой работник, как же мне он указывает“. Комсомлячка IV курса должна рассмотреть этот вопрос более внимательно.

Ковыркин, И. С., аспирант ИФФ

На заседании месткома ЛИИ

На заседании местного комитета ЛИИ обсуждался вопрос о состоянии соцсоревнования в связи с передовой ЦО „Правда“. Местком решил провести работу по широкому обсуждению этих статей среди профессорско-преподавательского состава, рабочих и служащих, добиваясь поднятия соцсоревнования на большую высоту.

Заключение договоров,—указано в решении месткома,—должно вестись по вполне конкретным показателям, с указанием определенных сроков выполнения. При этом местком предостерегает от какого-либо шаблона и штампа.

При установлении объектов соревнования следует исходить из учета особенностей

работы каждого работника, кафедры, факультета, отдела и мастерской, делая упор на слабые стороны работы кафедры, факультета, мастерской, отдела.

Основное внимание должно быть обращено на индивидуальное соревнование.

Членам МК проф. Николай, Е. Л. и тов. Гурьеву, В. П. предложено ускорить окончательное утверждение списка ударников среди профессорско-преподавательского состава, рабочих и служащих института и внести на рассмотрение дирекции ряд мероприятий, обсужденных на месткоме, направленных на лучшее обслуживание ударников.

(фото Коновалова)

Пионеры и школьники подшефной институту 1-й полной средней школы готовят много подарков X комсомольскому съезду. На фото: ученицы VII класса—ЯГН и СЕРГЕЕНКО вышивают портрет академика Павлова

У ПИОНЕРОВ ПОДШЕФНОЙ ШКОЛЫ

Нам помогают шефы

У пионеров нашей подшефной школы кончилась третья четверть учебного года. В классе 7-6 есть ребята, которые хорошо учатся. У Карнаухова почти по всем предметам „отлично“.

Неплохо учатся Катя Киреевская, Оля Сергеевко, Светлана Яги, но есть пионеры, сильно отстающие в учебе.

Комсомольцы 361 гр. ИФФ помогают ребятам, занимаются с ними русским языком и математикой. Ячейка выделяет также студентов для занятий химией и немецким языком.

К X съезду комсомола готовятся пионерские подарки. Ваня Вороновский сделал модель яхты, теперь делает летающую модель самолета. Светлана и Оля вышивают портрет академика Павлова.

Готовим подарки к съезду

Как только мы узнали, что будет съезд комсомола, мы сразу стали готовиться к нему. У некоторых ребят дисциплина до этого была неважная, теперь же она стала заметно улучшаться, многие ребята стали лучше учиться. Пионеры стали готовить свои личные подарки (например, 2-е звено готовит альбом „Работа комсомола“, Таня Албякова сделала рамку, Надя Скопина вышила пионерский значок и т. д.). Работа в отряде стала лучше, живее и интереснее.

Председатель 27-го отряда
Таня Албякова

„ПОСЛАННИЦА МИРА И ДРУЖБЫ“ в Ленинграде

Фото Янова (Союзфото)

17 марта в Ленинград приехала из Москвы „посланица мира и дружбы“ английских железнодорожников ОДРЕ МОССОН, прибывшая в СССР с женской делегацией на празднование Международного дня работниц.

На снимке—ОДРЕ МОССОН

ШАПИРО „РЕАЛИЗУЕТ“

Имущество умершего профессора Мешерского было передано в Клуб Ученых ЛИИ. Оно состояло из библиотеки, мягкой мебели, шкафов красного дерева, никелированной кровати, белья и платья покойного. Из прекрасной мебели директор клуба Шапиро устроил себе комфортабельный кабинет. Остальные вещи были переданы в кладовую клуба. Но вот в Клуб Ученых для оздоровления клубной работы был прислан директором института член ВКП(б) т. Корягин (на должность заместителя директора клуба). Шапиро и его бывший помощник Эфрос решили оставить свое имущество поделить между своими людьми.

Все вещи дирекция клуба оценила по своему, то есть—по дешевке, и тайком распределила так:

Никелированную кровать, стоимостью не менее 600—700 руб., они оценили в 80 руб. и отдали (иными словами, подарили) заведующему детским садом клуба, гражданке Эбель М. И.

Зимнее драповое пальто с каракулевым воротником за 70 руб. получил заведующий столовой Соболев.

Суконное летнее мужское пальто (тоже почти бесплатно) взяла вахтер клуба Баранова, она же получила шелковое одеяло. Бухгалтер клуба Захаров получил серый костюм, три жилета и брюки покойного—все это за 35 руб.

Оставшееся после раздела рваное и негодное белье Шапиро предложил... продать рабочим и служащим клуба.

Этот факт ловко замаскированного воровства требует немедленного вмешательства органов охраны социалистической собственности.

Ш. П.

„Непреодолимый“ ХОХЛОВ

Буфет в Прибытковском общежитии работает скверно.

Открывается он не в 7, как это было нужно, не в 8—как это написано на его дверях, а в 8 ч. 30 м.—8 ч. 35 м. Понятно, что те, которые занимаются утром, не могут им воспользоваться.

Были в этом буфете „горячие“ обеды. Правда потому, что они были „горячие“ в кавычках, врачебный надзор запретил отпускать их в таком виде, но от этого студентам не стало лучше. Обедов не стало совсем.

Почему бы их не сделать действительно горячими?

Электрическая плитка для обедов есть. Дело за немногим—за штепселем.

Вот это-то небольшое препятствие оказалось непреодолимым. Комендант общежития Хохлов наотрез отказался поставить штепсель, мотивируя это... большим количеством потребной энергии и нежеланием портить стены.

А студенты из-за этих действительно „непреодолимых“ препятствий лишены горячей жидкой и мясной пищи и должны довольствоваться кипятком и бутербродами.

До каких пор это будет продолжаться?

Ст-ка

Слабостям По институту

ХОРОШЕЕ НАЧИНАНИЕ

Профорг электросварочного факультета тов. Андреев организовал связь с практикантами пяти городов: Челябинск, Нижний Тагил, Ногинск, Запорожье, Свердловск. Между профоргом и практикантами установлена живая переписка.

В своих письмах практиканты рассказывают о том, как проходит практика. При каждом письме тов. Андреев посылает несколько номеров газеты „Индустриальный“.

НОВЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ПЛАН

ОНТИ Наркомтяжпрома утвердило издательский план института. В 1936 году будет выпущено 96 конспектов—на 50% больше, чем в 1935 году.

В данное время находятся в производстве конспекты Казанцев—„Автоматизация электроприводов“, Бирюков—„Теория истечения газов и паров“ и т. д.

Много неполадок с распределением тиражей.

Дело в том, что библиотека берет всего по 15—20 экземпляров каждого конспекта. В основном же, конспекты должны раскупаться факультетами и отдельными студентами.

Факультеты же, несмотря на то, что они были извещены об этом, заявок вовремя не сделали. Таким образом, точные величины тиражей конспектов установить с тех пор не удалось.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ-УДАРНИКИ

Мы знаем наших студентов-отличников, но мы не знаем наших преподавателей-ударников.

Местный комитет недавно проделал работу по выявлению лучших преподавателей-ударников. Уже составлен именник список. Преподаватели-ударники будут в первую очередь снабжаться иностранной литературой, путевками на курорты и пр.

ДЕЛО ГУТОРКИНОЙ

Гуторкина, Александра Филипповна—студентка 253 гр. ОТФ, систематически подделывала подписи преподавателей в зачетной книжке. Так она себе в лекционку „засала“ сдачу электротехники и немецкого языка.

Недавно Гуторкина пыталась расширить свое поле деятельности и представила защите проект и объяснительную записку, принадлежащие Коноплюной и Горбатовой. Постановлением дирекции Гуторкина исключена из института.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ШОФЕРА

13 марта с. г. легковая машина ЛИИ, которую вел шофер Балашов, сбила двух прохожих и раздавила их насмерть.

Один из убитых оказался отцом ст. ОТФ Корытова, А. А.

Тов. Корытову выдано единовременное пособие в размере 200 рублей. Изыскиваются возможности для оказания дальнейшей помощи ему.

Шофер Балашов арестован.

ИНСТИТУТСКАЯ АЛЬПИНАДА

Все товарищи, желающие участвовать летом этого года в институтской альпиниаде, должны заявить о своем желании к педагогам своих факультетов до 1 апреля.

Позднее 1 апреля никакие заявки о зачислении в альпиниаду приниматься не будут.

Бюро Альпинистской секции ЛИИ

Отв. редактор М. Я. КАПЛАНСКИЙ

Формат 58 × 41. — Печ. зн. 76.800
Бум. листов 2500. Тираж 5000
Сдано в набор 23/III, в печ. 25/III
Ленгорлит № 8787
1 п. л. — Заказ № 458
Полиграфлаборатория ЛИИ
Ленинград 21, Дорога в Сосновку, 1/3